

Самые лучшие
романы о любви

НАТАЛЬЯ
МИРОНОВА

Романы Натальи Мироновой – это современные драмы о коварстве и любви, финал которых всегда оптимистичен. Автор уверен: человек, для которого живы понятия чести и благородства, обязательно добьется справедливости, вытянет свой счастливый билет. В каждой книге вы встретите уже полюбившихся героев прежних историй. И это не случайно: хорошие люди тянутся друг к другу

**СИНДРОМ НАСТАСЬИ
ФИЛИППОВНЫ**

ГЛАЗА КЛЕОПАТРЫ

ТЕНЬ ДОКТОРА КРЕЧМЕРА

СЛУЧАЙ РАСТИНЬЯКА

ВОЗРАСТ СУЛАМИФИ

В ОЖИДАНИИ АЙВЕНГО

Н А Т А Л Ь Я
МИРОНОВА

В ОЖИДАНИИ
АЙВЕНГО

р о м а н

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Художественное оформление серии
П. Петрова

Миронова, Наталья Алексеевна.
М64 В ожидании Айвенго : роман / Наталья Миронова. — Москва :
Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-105103-7

Муж ушел к другой... И все полетело в тартарары. Ты пытаешься склеить осколки своей жизни, мучаешься, страдаешь, а тут еще дети не слушаются, капризничают, тоскуют по папе. Несчастья сыплются на тебя, одна беда приводит другую. Но не спеши отчаиваться. Не стоит собирать осколки, лучше начать с чистого листа. Как знать, может, тебе повезет... Может, за поворотом ждет он – твой рыцарь, подарок судьбы.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105103-7

© Миронова Н., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Памяти Нины Фрауд

Глава 1

В квартире художницы Кати Лобановой¹ раздался телефонный звонок. Звонила ее подруга Этери Элиава.

— Можно к тебе?

— Давай, Фирочка, приезжай! — Катя называла подругу уменьшительным именем по русскому варианту ее библейского имени Эсфирь. — Сейчас я только маму отправлю с Лизочком гулять.

Катя тут же перезвонила матери.

— Мам, побудешь выездной бабушкой? Мне Этери позвонила, мы с ней сто лет не виделись. Она сейчас приедет.

— Уже иду.

Положив трубку, Катя задумалась. Давно она не видела Этери, и даже по телефону после рождения дочки толком поговорить не удавалось. Все на бегу: «привет — привет, как дела — нормально». А сейчас ей показалось, что голос Этери звучит как-то странно. Очень даже странно. Если бы не имя на определителе, пожалуй, Катя ее и не узнала бы...

Она принялась собирать четырехмесячную дочку на прогулку: сменила подгузник, нарядила в теплые одежки, надела чепчик и пинетки, уложила в коляску, укрыла одеяльцем... Повернулся ключ в замке — мама пришла.

Выйдя замуж за Германа Ланге, Катя нашла квартиру поближе к родителям на Чистых прудах, в Большом Казенном переулке. По иронии судьбы — в том самом доме, где жил когда-то ее первый муж Алик Федулов. Это была не его квартира, но похожая — бывшая коммуналка в семиэтажном темно-сером доме, где в одной половине почему-то жили генералы (и никаких коммуналок), а во второй — простые смертные, теснившиеся друг у друга на голове.

Но то было при советской власти, когда Большой Казенный — в нем, как и в Малом Казенном, селились до революции

¹ Судьбе Кати Лобановой посвящен роман «Случай Растиньяка». (Здесь и далее примечания автора.)

дворцовые ремесленники, отсюда и название — назывался переулком Аркадия Гайдара. Генералы с тех пор то ли поумирали, то ли продавали свои квартиры, коммуналки тоже не осталось, все давно были расселены. Именно в этом доме, куда Катя когда-то ездила ухаживать за умиравшей свекровью, женщина-риелтор нашла и предложила им квартиру. Катя не стала говорить мужу, что у нее с этим домом связаны неприятные воспоминания, да и сами воспоминания решительно выкинула из головы. Это был просто дом, удобно расположенный по соседству с Лялиным переулком, где она выросла, это была просто квартира — просторная, добротнo отремонтированная, красиво и без выкрутасов обставленная Катинными руками. И мама рядом, всегда на подхвате.

Катя уже планировала, как вырастет ее Лизочек и она отдаст дочку в родную 330-ю школу — здесь же, в Большом Казенном переулке.

Когда родилась дочка, Катя уговорила маму уйти с работы. Анна Николаевна согласилась.

— Где там мой Лизочек? — проговорила она ласково. — Катенька, я раздеваться не буду, давай ее сюда.

Катя назвала дочку Луизой в честь свекрови. Среди своих родителей провела подготовительную работу: Луиза Эрнестовна такая хрупкая, столько в жизни настрадалась, пусть она порадуетя! Родители не возражали. Они были счастливы, что у дочки после долгих горестей и тягот наконец-то жизнь наладилась. И муж хороший, и работа, и сын за ум взялся, и дочка-куколка родилась, дай ей, боже, здоровья... Но пока девочка была маленькой, ее звали Лизочкой, Лизочком, песенку ей пели:

Мой Лизочек так уж мал, так уж мал,
Что из листика сирени
Сделал зонтик он для тени
И гулял, и гулял!

Лизочек был не так уж и мал — с такими производителями, как Катя и Герман, девочка оказалась настоящей Брунгильдой, — но на песенку отзывался довольным «гугу».

— Мама, я тут ее вещички собрала, бутылочку, памперсы, заберешь ее к себе? — спросила Катя. — Мне кажется, у Этери что-то случилось. У нее голос какой-то... мне не понравился. Кажется, у нас будет долгий разговор.

— Конечно, забери! — Анна Николаевна улыбнулась внучке.

У них с Катинным отцом это называлось «дали внучку поносить». Давали часто. Родители Германа живут на Оке, в сотне

с лишним километром от Москвы, к ним — только летом. А они с отцом — под боком. Всегда на подхвате. Можно бабадедствовать целыми днями без зазрения совести. «Бабадедствовать» — это было еще одно придуманное ими слово.

— Ты мне потом все-таки расскажи, как там дела у Этери, — попросила Анна Николаевна, ловко вкатывая коляску в лифт. — Привет ей передавай.

— Конечно, передам.

Лифт тронулся, Катя заперла дверь и отправилась на кухню. Налила свежей воды в чайник, выставила на стол чашки, печенье на блюде... Ей было тревожно. Что же случилось с Этери? И как она, Катя, проглядела, не почувствовала, что подружке плохо?

Этим страшным летом, когда в Москве стояла душающая жара и горели леса, Герман сгреб всю семью в охапку и увез в Германию. Дом большой снял на все лето на озере Аммер под Мюнхеном, перевез и ее с Лизочком, и Саньку, и ее родителей, и своих. Густав Теодорович пытался артачиться, но Герман сказал ему: «Папа, вы собой яблони от солнца не закроете. Сгорят, значит, новые посадим». А Луиза Эрнестовна пригрозила, что без мужа не поедет, и Густаву Теодоровичу пришлось смириться.

Этери тоже увезла семью из России. Потом, когда жара миновала и все вернулись в Москву, Катя звонила, и не раз, но Этери все последнее время было некогда. Даже на день рождения не позвала... Катя позвонила, поздравила, а Этери сказала, что отмечать не будет — дел много.

А теперь... Катя еще никому не говорила, в том числе и мужу, но снова чувствовала признаки беременности. Что ж, это хорошо. Родить Герману сына... Мечта всей жизни. Но если Этери нужна помощь, надо помочь. Катя поклялась себе, что уж на этот раз ничто, даже новая беременность, ей не помешает. Этери ей помогала, пора отплатить тем же.

Так рассуждать не годится, хмурясь, напомнила себе Катя. Когда один из друзей начинает подсчитывать, сколько он для другого сделал, дружбе конец. Но она и не подсчитывала. Просто Этери ее, можно сказать, спасла. Надо быть благодарной.

Этери приехала. Она никогда не запоминала и не записывала домовых кодов, позвонила от подъезда по мобильному, и Катя ей продиктовала. Когда Этери поднялась в квартиру, Катя невольно ахнула.

— Фира, что случилось? Ты заболела?

Высокая худая Этери совсем истончилась в ниточку. Щеки ввалились, под глазами залегли черные круги. Она молча обняла подругу, потом разделась. Катя хотела пригласить ее на кухню попить чаю или кофе, но передумала и увела Этери в гостиную на просторный диван.

Обе забрались на него с ногами.

— Ну? Что случилось? — повторила Катя.

— Леван от меня ушел.

— Этого не может быть! — ошарашенно выпалила Катя.

Этери улыбнулась жалкой фальшивой улыбкой.

— Мне самой не верится. Но это правда.

— Фира... Он же так тебя любил! Я... я не понимаю. Он сам тебе сказал?

— Сам сказал. — Этери нащупала в сумке любимые сигариллы. — Пойдем на лестницу. Мне надо закурить.

Катя захватила пепельницу и покорно проследовала за подругой на лестничную площадку.

— Расскажи, что случилось.

Этери закурила.

— Пришел, сказал, что встретил другую женщину. Что только с ней он счастлив. Что он, — Этери пальцами показала в воздухе кавычки, — «не жил до сих пор». — И все-таки добавила: — Это он сам так сказал.

— Что, вот так прямо вдруг? Он не мог вот так взять и уйти — в один день!

— Мог — не мог... — Этери жадно затянулась дымом и выпустила его через ноздри. — Меня предупреждали. Я не верила.

— Кто предупреждал?

Этери пожала тонкими плечами. Катя впервые присмотрелась к ее наряду. Поначалу ее так поразило несчастное, осунувшееся, с запавшими глазами лицо подруги, что на остальное она просто не обратила внимания. Отметила подсознательно некую странность, но не додумала, не поняла.

Этери Элиава всегда одевалась ослепительно элегантно. Особый стиль — дерзкий, вызывающий, присущий только ей одной. Не на острие моды, а чуть в стороне от нее. У Этери были великолепные драгоценности. И муж дарил, и от бабушки достались старинные. А сейчас на ней были потертые вельветовые джинсы и старый мешковатый свитер. И то и другое — оливкового цвета, который совершенно не шел к ее смуглому лицу. В таком прикиде разве что в саду работать. Ни одного украшения. И даже губы не накрашены.

— Предупреждали разные доброхоты... доброхотки... Да какая разница?! Предупреждали, а я не слушала. Я ж думала, тылы у меня прочные, я за мужем как за каменной стеной...

Этери вдруг разрыдалась. Катя обхватила ее за плечи и увела в квартиру. Усадила на тот же диван, забрав у нее пепельницу. А Этери все никак не могла остановиться. Она рыдала в голос — страшно, некрасиво, по-бабьи подвивая, она повалилась на диван, свернулась тугим клубком, горе кромсало и плющило ее, выворачивало наизнанку, рыдания доходили чуть ли не до рвоты.

Катя побежала на кухню и принесла ей воды.

— На, попей.

Этери, судорожно захлебываясь, втянула в себя воду. Катя подала ей коробку бумажных салфеток.

— Прости, — прохрипела Этери. — Я... я держалась, а тут...

— Не грузи, — ответила Катя ее любимыми словами. — На что ж тогда друзья? Давай я тебе валерьянки накапаю, у меня есть. Но Этери покачала головой.

— Не надо.

— Тогда давай чаю выпьем. Кофе тебе сейчас лучше не пить, ты и так на взводе. Пошли на кухню. А может, все-таки валерьянки?

— Нет. Знаешь, я хочу это пережить. Без всяких лекарств, без тумана. Хочу осознать с ясной головой. Мама говорит, что бог всегда дает ношу по плечам. Ты понимаешь, что это значит?

— Пожалуй, — задумчиво согласилась Катя. — Мне отвесил такую, что вспомнить страшно. Но я же выдержала. И ты выдержишь.

Она включила чайник и заварила чай.

— Сейчас настоится.

— Ты больше переживала по-пустому, — возразила Этери. — Агонизировала, что денег у меня заняла...

— Нет, я за сына переживала. Ладно, это в прошлом. Расскажи мне, что случилось. Честно говоря, у меня в голове не укладывается... Извини, это я уже говорила. Все-таки объясни: что за женщина?

— Блондинка.

— Я тоже блондинка. — Но Катя решила не обижаться. — Говори толком.

— А я и говорю: блондинка. Этим все сказано.

— Ты ее видела?

— Как тебя сейчас. Блондинка, — в третий раз упрямо повторила Этери.

— Все-таки давай поподробнее.

— Двадцать четыре года, но делает вид, что ей двадцать один. Платиновые волосы, фигура Мэрилин Монро, лицо буфетчицы. Мечта командировочного, — презрительно добавила Этери. — В общем, чучундра, — продолжала она, намекая на популярный сериал «Одна за всех». — Губы диваном, знаешь, как на рекламе «Орифлейм»? Кстати, звать тоже Кристиной¹. Уж этим точно все сказано. Кристиночки, Анжелочки — особая порода такая. Помнишь Анжелу?

Этери говорила о жене компаньона Катиного первого мужа, которому — компаньону, а не мужу — Катя на своем дне рождения закатила пощечину с тяжелыми последствиями. Катя сама тогда делилась с Этери соображениями о том, что «Ангела» — это уже не имя, а диагноз, и Этери с ней согласилась.

— Не напоминай, — поежилась Катя. — Но эта твоя Кристина далеко не глупа, если сумела увести Левана. Неужели он клюнул на чучундру?

— Мужики — идиоты, — пожала плечами Этери. — А у нее мотивация сильная, она типичная золотоискательница. Знаешь, как она его называет? «Моя золотуська».

— И Леван это терпит? — ахнула Катя.

— «Терпит»? — насмешливо переспросила Этери. — Да он млеет! Слушай, я, пожалуй, пойду.

— Куда! — остановила ее Катя. — Никуда ты не пойдешь!

Этери устало опустила на стул.

— Мне опять курить хочется.

— Завязывай с этим. Ты посмотри на себя: моща мощой! И при такой комплекции дымом травиться?

— А о чем жалеть? — тяжело вздохнула Этери.

— Фирка, а ну-ка отставить эти разговоры! — возмутилась Катя. — Ты что, на тот свет собралась? А как же дети?

— Только ради них и терплю.

— Где они?

— Сейчас каникулы, я попросила папу с мамой с ними посидеть.

У родителей Этери, художника Авессалома Элиавы и его жены Нателлы, был большой загородный дом на Николиной горе, но они никогда не отказывались навестить внуков..

¹ Персонаж Эвелины Бледанс в сериале «Одна за всех» носит имя Кристи.

— Да, кстати, — спохватилась Катя, — Леван же так любил детей! Что он... Как вы договорились?

— А я уже не знаю, любил ли он детей... вообще, хоть когда-нибудь. Я уже вообще ничего не знаю.

— Как? — растерялась Катя.

— У Никушки, — так Этери называла своего младшего сына Николая, — четвертого был день рождения, а Леван не пришел. Я Никушке новый нетбук подарила, он же только в школу пошел. Пришлось сказать, что это от папы. Врала не помню что. Что папа занят на работе. Я ему потом позвонила — ну, Левану, — говорю: как ты мог так с сыном поступить?

— А он?

— А он: прости, говорит, совсем замотался, а спохватился — уже поздно было. Я ему сказала про нетбук, так он — представляешь? — прости, говорит, я тебе деньги верну. — Глаза Этери опять наполнились слезами. — Я прожила с ним десять лет, и вдруг оказалось, что я его совсем не знаю.

— Давай все-таки о детях, — предложила Катя. — Ты им сказала, что папа ушел? Как они восприняли?

Слезы высохли, в глазах Этери блеснул сумрачный грузинский огонь.

— Я хотела, чтобы Леван сам им сказал. Почему я должна говорить? Это же не я, это он ушел из дома!

— И? — осторожно спросила Катя.

— Он увильнул. Просто ушел, и все. И от разговора ушел. Я ему тысячу раз звонила: когда ты с детьми поговоришь? А он: ну я так счастлив, а ты мне все портишь! Ну поговори сама!

— Фира, тут уж не надо считаться, кто прав, кто виноват, надо самой сказать. Это же дети! Они же не понимают!

— Наверно, ты права, но... Ладно, я им скажу. Только это ужасно несправедливо. Я все время себя спрашиваю: что я сделала не так? В чем провинилась?

— Не надо. — Катя ласково взяла подругу за руку. — Ты ни в чем не виновата.

— Нет, виновата! — Этери вскочила и возбужденно прошлась по кухне. — Ты меня извини, но если я не закурю, я сейчас просто сдохну.

— Ладно, пошли на лестницу, — покорно вздохнула Катя.

Она взяла пепельницу, и они опять вышли за дверь. Будь дело летом, можно было бы на балкон, но стоял ноябрь.

— Ты ни в чем не виновата, — повторила Катя уже на лестнице.

— Да? А я чувствую себя тифозной Мэри.

— Кем-кем? — не поняла Катя.

— Была такая дура упертая в Америке сто лет назад. Здоровая носительница тифа. Работала поварихой и всех заражала. Трое умерли. А она все поверить не могла, что это из-за нее. В конце концов ее заперли принудительно.

— Все равно не понимаю.

— Не понимаешь? — желчно переспросила Этери. — Или просто придуриваешься? Мне кажется, сейчас все бабы смотрят на меня и думают: а ну как завтра мой припрется и скажет, что нашел любовь всей жизни?

— Ах, вот ты о чем... Могу тебя разочаровать: я ни о чем таком не думаю.

— Я тоже не думала, — вздохнула Этери. — Хотя примеров полно. Вот возьми Абрамовича. Жена ему пятерых детей родила! Чего ему еще в жизни не хватало?

— Пятого дворца, — улыбнулась Катя. — Седьмой яхты. Команды «Челси».

— Да это ладно, — отмахнулась Этери. — Это так, синдром трудного детства. Мальчик жил в детдоме, теперь редуты строит из дворцов и яхт между собой и этим самым детдомом. Нет, ему Дарьи Жуковой не хватало для полного счастья. Или Познера возьми. Так любил жену, столько вместе прожили, и вот — ему за семьдесят, о душе пора подумать, но нет, нашел себе бабу помоложе, отплясывает с ней твист в телевизоре, срам смотреть.

— Ну... может, это любовь? — робко предположила Катя.

Этери жадно, бездонно затянулась сигариллой и поморщилась.

— Я тебя умоляю! Хотя ты не говори мне про любовь.

— Фира... — Катя с тревогой вглядывалась в лицо подруги. — Тебе надо поговорить с Софьей Михайловной Ямпольской.

— А кто это?

— Женщина-психиатр.

— Думаешь, я сумасшедшая? Может, ты думаешь, мне все это привиделось?

— Ты не сумасшедшая, и ничего тебе не привиделось. Но я тебе очень советую с ней поговорить. Она поможет.

— Как? — горько отозвалась Этери. — Левану мозги на место поставит? Может, сеанс семейной терапии проведет?

— Нет, вряд ли, — покачала головой Катя. — Но она поможет тебе преодолеть горе.

— А я даже не знаю, надо ли его преодолевать, — упрямылась Этери.

— Конечно, надо! Ты докурила? Идем в дом.

Катя обняла подругу за плечи и чуть ли не насильно увела в квартиру. Опять они забрались с ногами на диван в гостиной. Чай был забыт.

— Ты посмотри на себя, — повторила Катя. — От тебя половина осталась, а ведь и раньше почти ничего не было! Что на тебе надето? Ты никогда так не выглядела! Непричесанная, ненакрашенная...

— Да-да, знаю. Распустилась. Но у меня нет сил на всю эту муру. Я раньше всегда ходила причесанная, накрашенная, а толку? Он все равно ушел.

— Фирочка, на нем свет клином не сошелся. Ты молодая, интересная... Есть на свете мужчины кроме Левана...

— А знаешь, — опять глаза Этери блеснули неистойвой ненавистью, — я бы собрала всех мужиков, взяла пулемет и веером от живота.

— И твоего папу? — спросила Катя. — И дедушку?

— Дедушки уже нет на свете.

— Это не ответ, — нахмурилась Катя. — Тебе так хочется, чтобы я тебя выгнала? Не дожدهшься. Фирка, вспомни, как ты мне помогла, когда я загибалась! Теперь я тебе помогу.

— Подумаешь, денег одолжила! — пренебрежительно отмахнулась Этери.

— Дело вовсе не в деньгах. Ты мне работу нашла и жилье, когда я от Алика сбежала. А главное, ты меня поддержала. Могла бы запеть: какой-никакой, а муж...

— Нет, вот уж этого я никогда не спою, — отрезала Этери.

— Это ты сейчас так говоришь. Ладно, это дурацкий спор...

— Вот именно, — буркнула Этери. — Ты меня извини, я твоего Алика всегда на дух не переносила, с низкого старта. А ты знаешь, что он пытался за мной приударить? У тебя за спиной? Я тебе не говорила, расстраивать не хотела.

— Да бог с ним, с Аликом! — отмахнулась Катя. — Фира, ты должна посоветоваться с Софьей Михайловной! Я понимаю, тебе хочется злиться. Но она тебе поможет не заикливаться, жить дальше, думать не только об этом. Она Герману помогла...